

■ фестиваль

ТРОТИЛОВЫЙ ЭКВИВАЛЕНТ

Томас Остермайер на Авиньонском фестивале

ЯРОСЛАВ СЕДОВ АВИНЬОН

Томас Остермайер, один из самых популярных европейских режиссеров, руководитель берлинского театра Schaubühne, будоражащий публику хлесткими остросоциальными постановками, категорически возражает против попыток приписать ему провокативность. Он терпеливо повторяет, что придерживается старомодной точки зрения, согласно которой театр должен не развлекать людей, а говорить о самых важных в их жизни вещах, включая наши страхи и тайны, в которых мы менее всего хотим отдать себе отчет. Эту точку зрения он вновь отстаивает в одном из лучших спектаклей нынешней авиньонской программы «Взорванные», показанном под сводами монастыря Кармелитов.

В прошлом году, когда Остермайер был художественным руководителем Авиньонского фестиваля, он превратил всю программу в грандиозный центростремительный спектакль-дискуссию с жестко и точно обозначенной главной темой: «Старая Европа и наше будущее». В интервью он с корректной безжалостностью хирурга констатировал, что у нынешней Европы буквально «нет жизненных сил» (даже в прямом смысле, имея в виду низкую рождаемость). Что большинство приезжих из других регионов, работая на европейское процветание, остаются людьми второго сорта, и так далее, и тому подобное. А спектакли фестиваля так или иначе будировали эти и смежные темы.

На сей раз фестиваль в целом не имеет внятной идеологической и эстетической концепции, но Остермайер верен себе. Он продолжает разрабатывать излюбленные темы в отведенных ему границах режиссера — участника программы, предлагая версию пьесы английского драматурга Сары Кейн «Blasted» («Взорванные»). Журналист (Ульрих Мюхе) предлагает скрасить свое одиночество девушке (Катарина Шюттлер), которой увлекается настоль-

ко, что теряет над собой контроль. Преследуя ее, он последовательно проходит разные стадии потери «цивилизованного» облика: унижает, насилует, избивает жертву в номере отеля. Но вскоре сам становится жертвой вламывающегося в номер солдата (Томас Тиме).

Все эти стадии показаны и сыграны с обжигающей натуралистичностью и в то же время с отстраняющей театральностью, благодаря чему мизансцены выглядят как идеально выстроенная экспрессионистская хореография. Кто-то из журналистов справедливо назвал это представление «театром ужаса». Его главный эффект не столько в изображении жестокости, сколько в пронзающем сознание открытии: и садистское удовольствие от мучений, причиняемых другому, и готовность скорее принять эти мучения, чем отстоять свое достоинство — не «потеря человеческого облика», а, увы, свойства человеческой природы. Те самые, которые мы в последние годы наблюдаем ежедневно, слушая о массовых убийствах на Балканах, бомбежках Ирака, издевательствах над пленными в тюрьмах.

Однако этот спектакль, угнетающий вдесятеро сильнее, чем все потуги изобретателей современного танца передать человеческие пороки, почти не упоминается в многочисленных протестах зрителей и критиков против заполнившей авиньонские сцены

этого года «чернухи». И это понятно. Тут — настоящий театр, за которым и едут в Авиньон. А протестуют, видимо, против чего-то другого, чему пока не могут найти верного названия.

Ульрих Мюхе и Катарина Шюттлер в спектакле Томаса Остермайера показали Авиньону «театр ужаса» Фотограф: Arno Declair

